МИРЫ ХАРЛАНА ЭЛЛИСОНА

МИРЫ СТРАХА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Опубликовано в сборнике «Миры Харлана Эллисона. Том 1. Миры страха», издательство «Полярис», Рига, 1997 г., с. 110-158.

Оригинальное название: Run for the Stars, опубликовано в 1957 г. в журнале «Science Fiction Adventures».

- Харлан Эллисон
  - ○

Харлан Эллисон
Бегство к звёздам

Его застукали рядом с останками толстяка-лавочника. Мародер сидел на корточках, спиной к разбитой витрине, и шарил по бесчисленным карманам покойного торговца.

Он не слыхал, как они подошли. Оглушительный вой кибенских кораблей, поливающих огнем улицы города, смешивался в ушах с воем умирающих.

Они подкрались к нему сзади — трое мужчин с угрюмыми лицами и решительными взорами. Грохот взорванной где-то в городе энергостанции заглушил скрип их башмаков, ступавших по усыпанному щебенкой и пылью бетону. Мужчины остановились, и светловолосый кивнул двум другим. Те набросились на мародера и заломили ему руки за спину, вырвав у него изумленный пронзительный вопль.

Банкноты и монеты посыпались из рук, разлетелись по усеянному обломками камней полу.

Бенно Таллант, мучительно выгнув шею, обернулся к нападавшим:

— Отпустите меня! Он был уже мертвый! Я хотел только взять немного денег, чтобы купить еды. Христом Богом клянусь! Отпустите!

От боли в заломленных руках на глаза навернулись слезы.

Один из державших — коренастый шепелявый крепыш неопределенного возраста — злобно прошипел:

— Ты, мародер паршивый, как видно, не заметил, что грабишь в гастрономе? Здесь навалом всякой еды, бери — не хочу!

И заломил руку еще выше.

Таллант прикусил губу. Что толку спорить? Он не может признаться, что деньги нужны для наркотиков. Его просто убьют, и дело с концом. Идет война, город осажден кибенами, с мародерами разговор короткий. Может, так оно и лучше. Смерть положит конец гложущей его неутолимой жажде, и он станет свободным. Пусть даже мертвым, но свободным.

Свободным от дурманной пыли; свободным для нормальной жизни. Да, вот чего он хочет — стать свободным… Никогда больше он не притронется к дурманному порошку, если останется жив.

К тому же поставщик наверняка уже погиб.

При мысли о смерти, как всегда, у Талланта затряслись

поджилки и онемели мышцы ног. Он безвольно обмяк всем телом.

Второй из державших, здоровенный свинорылый тип, с отвращением проворчал:

— Бога ради, на кой он нам сдался? Неужто для такого дела нельзя найти кого получше? Вы только посмотрите, как его развезло — это ж кисель, а не человек!

Светловолосый покачал головой. Он явно был у них главным. Чудом оставшийся чистым высокий лоб белел над черным от сажи и грязи лицом. Блондин провел по лбу рукой и замазал белое пятно.

— Нет, Шеп. По-моему, он нам подходит.

Главарь повернулся к Талланту, наклонился и внимательно осмотрел дрожащего мародера. Потом приподнял его правое веко.

— Наркоман. Вот и ладненько. — Блондин выпрямился и добавил: — Мы целый день вас искали, приятель.

— Я никого из вас в жизни не видел! Что вам от меня нужно? Пустите меня, пустите!

Слишком уж долго они канителятся, хотели бы убить — давно бы убили. Что-то тут не так.

Он закричал, забившись в истерике. Пот заливал ему лицо, словно где-то под волосами забил источник.

Высокий блондин обернулся через плечо и торопливо сказал:

— Пошли отсюда! Тащите его, ребята. Пускай доктор Баддер над ним поработает. — Он жестом велел им поднять трясущегося наркомана и добавил, хлопнув Талланта по тощему животу: — Тут работы на добрых пять часов!

— Только дадут ли желтые сволочи нам эти пять часов? — проворчал шепелявый Шеп.

Свинорылый кивнул, и, будто подтверждая их опасения, сгущающиеся сумерки разорвал истошный женский крик. Они замерли; Таллант почувствовал, что вот-вот сойдет с ума — прямо сейчас, в их руках, от этого крика, от этих людей, оттого, что нет порошка и весь мир разваливается вокруг на части. Ему отчаянно хотелось лечь и подрожать.

Он попытался осесть всем телом еще раз, но свинорылый дернул его и поставил на ноги.

Они прошли через гастроном, вздымая густые клубы цементной пыли и ступая по кусочкам металлопластика, трещавшего под башмаками. Возле разбитой витрины остановились, вглядываясь в потемки.

— Придется нам попотеть четыре мили, — сказал шепелявый. Высокий светловолосый главарь молча кивнул.

Взрыв топливного резервуара перекрыл непрерывную пальбу

и победные клики кибенской атаки… вместе с предсмертными криками людей.

На мгновение воцарилась мертвая тишина — затишье перед боем, предвещающее новый ужасный удар. И не успели они перевести дух, как над головами с надрывным свистом пронесся снаряд и пропорол фасад жилого здания напротив. Металл и бетон брызнули во все стороны и застучали по развороченному тротуару градом осколков.

Группа мужчин постояла минуту в напряжении, а потом, подхватив свою добычу, бесшумно и быстро скользнула в вечернюю мглу.

И только толстяк-лавочник остался лежать среди развалин гастронома — мертвый, равнодушный и безмятежный.

Бенно Таллант очнулся во время операции. В горле пересохло и горело, кружилась голова. Он увидел свой разрезанный живот; скользкие внутренности — мокрые, пульсирующие в собственной крови — предстали перед ним во всей своей наготе.

Плешивый старикашка, заросший колкой седой щетиной, осторожно совал в разъятую плоть металлическую коробочку с кнопками и калибровочными шкалами. В глаза Бенно уставился дебильный слепящий глаз операционной лампы, и он тут же вырубился снова.

Когда он очухался во второй раз, то обнаружил, что лежит, обнаженный до чресел, на операционном столе в холодной-прехолодной комнате. Голова была чуть приподнята. В глаза ему.бросился рваный алый рубец, бежавший от нижнего ребра до самого паха подобно красной реке, пересекающей пустыню. В середине рубца блестел металлический кончик проволоки с нашлепкой вроде булавочной головки. Таллант внезапно вспомнил все.

Они оборвали его вопль, засунув в рот смятое полотенце.

Высокий блондин из разрушенного гастронома шагнул в поле зрения Талланта. Грязь с лица он смыл и переоделся в мышиного цвета военный мундир с тремя капитанскими нашивками на лацканах. Главарь пристально вгляделся в лежащего, наблюдая за гаммой эмоций, искажавших лицо мародера.

— Моя фамилия Паркхерст, приятель. После гибели президента и его команды я возглавляю Сопротивление.

Он подождал, пока Таллант успокоится. Но конвульсии не прекращались: глаза лезли вон из орбит, кожа на лице покраснела, жилы на шее вздулись.

— Вы нужны нам, мистер, однако времени осталось в обрез… Если хотите жить, успокойтесь.

Лицо наркомана расслабилось.

Изо рта у него вынули кляп, и собственный язык показался ему в первый миг густым обжигающим месивом. Таллант снова вспомнил свой разверстый окровавленный живот.

— Что это было? Что вы со мной сделали? Зачем?!

Он заплакал. Слезы катились из уголков глаз, зигзагами стекали по щекам к уголкам рта и падали с подбородка.

— Я тоже хотел бы это знать, — раздался голос слева от него.

Таллант с трудом повернул голову. Боль острыми иголками вонзилась в основание шеи. Он увидел старикашку с колючей щетиной. Это был врач — врач, который засовывал металлическую коробочку в желудок Талланта, когда тот очнулся в первый раз. Доктор Баддер, надо полагать.

— Скажите мне, Паркхерст, зачем нам этот сопливый слюнтяй? — продолжал доктор. — Вы нашли бы не меньше дюжины добровольцев, стоило вам только захотеть. Да, мы потеряли бы хорошего парня, но по крайней мере знали бы, что человек сделает дело на совесть.

Не успев договорить, он захлебнулся тяжелым кашлем и вцепился в край операционного стола.

— Все курево проклятое… — просипел он, пока высокий блондин усаживал его в кресло.

Паркхерст покачал головой и ткнул пальцем в сторону Талланта.

— Лучше всех сделает дело тот, кто боится. Кто ударится в бега. Бегство займет время, а время — это все, что нам надо, чтобы живыми добраться до Земли или другой колонии. Вы так не думаете, док? Вы сомневаетесь в том, что он задаст стрекача?

Баддер потер колючие заросли, на подбородке. Щетина поскрипывала у него под пальцами в наступившей тиши.

— М-м-м… Наверное, вы правы… Вы всегда правы. И все же…

— Ладно, док, — нетерпеливо, хотя и дружелюбно прервал его Паркхерст. — Когда вы поставите парня на ноги?

Доктор, кряхтя и отдуваясь, поднялся с кресла. С натугой прокашлялся и сказал:

— Я обработал его эпидермизатором… Рана затягивается отлично. Нужно обработать еще разок, но… Э-э… Видите ли, Паркхерст, все это курево, да и нервы у меня не в порядке… В общем, я хотел спросить: у вас не найдется… э-э… чуть-чуть? Самую малость, только взбодриться.

Глаза старика загорелись надеждой, и Таллант сразу узнал этот блеск. Старик тоже был наркоманом. Или алкашом. Точно сказать трудно, но дока Баддера пожирала та же ненасытная страсть, что и его самого.

Паркхерст решительно покачал головой:

— Ничего не выйдет, док. Вы должны быть в форме на случай, если что-нибудь…

— К черту, Паркхерст! Я не заключенный — я врач и имею право…

Паркхерст оторвал взгляд от Талланта, на которого смотрел все время, разговаривая с врачом.

— Послушайте, док. Времена нынче для всех тяжелые. Всем нам нелегко, да только вот жена моя сгорела заживо на улице три дня назад, когда напали кибены, а мои дети сгорели в школе. Я понимаю, как вам тяжко, док, но если вы, не приведи Господь, не прекратите клянчить у меня виски, я убью вас, док. Я вас просто убью.

Блондин говорил тихо, вышагивая в такт по комнате ради вящей убедительности, однако в голосе его звенело отчаяние. Видно было, что на сердце у него нестерпимая боль, а на плечах — неподъёмное бремя. Ублажать врача он явно не собирался.

— Так когда мы сможем выпустить его отсюда, док? Доктор Баддер окинул комнату безнадежным взглядом, облизнул губы. Потом торопливо и нервно произнес:

— Я… Я снова обработаю его эпидермизатором. Это займет часа четыре. Работа сделана чисто, тяжести в желудке быть не должно. Он ничего не почувствует.

Бенно жадно прислушивался. Он до сих пор не понимал, что с ним такое сотворили, зачем эта операция, но непреодолимый ужас, объявший его поначалу, слегка утих во время перепалки между Баддером и Паркхерстом. Он провел дрожащей рукой по рубцу.

Его чуть не стошнило от страха; щека и предплечье задергались нервным тиком.

Доктор Баддер подкатил к операционному столу продолговатый аппарат со щупальцами и выдвинул вверх раздвижной кронштейн. На конце его была прямоугольная коробочка из никелевой стали с небольшим отверстием. Баддер включил аппарат, и из отверстия на рану полился свет.

Рубец моментально посветлел и сморщился. Бенно не чувствовал той штуки, что зашили ему в желудок.

Он просто знал, что она там.

У него вдруг начались жуткие колики. Он закричал от боли.

Паркхерст побледнел.

— Что с ним? — спросил главарь так быстро, что фраза слилась в одно слово.

Доктор Баддер отпихнул в сторону кронштейн эпидермизатора и склонился над Таллантом, который лежал, тяжело дыша, с искаженным судорогой лицом.

— В чем дело?

— Болит… там… — Бенно показал на живот. — Адская боль… Сделайте же что-нибудь!

Толстенький маленький врач со вздохом отступил на шаг и небрежным движением вернул кронштейн на место.

— Все в порядке. Колики вызваны самовнушением. Побочных явлений по идее быть не должно. Впрочем, добавил он, злопамятно глянув на Паркхерста, — я не такой уж хороший врач, не такой трезвый и именитый, какого Сопротивление выбрало бы, будь у него возможность, поэтому гарантировать ничего не могу.

— Заткнитесь, док, — с досадой отмахнулся от него Паркхерст.

Баддер натянул простыню Талланту на грудь, и мародер застонал от боли.

— Кончай скулить, слизняк несчастный! — рявкнул Баддер. — Аппарат заживляет рану через простыню, тебе не о чем беспокоиться… пока. Женщины и дети там, — врач махнул рукой в сторону задраенного окна, страдают куда больше твоего.

Он повернулся к двери. Паркхерст пошел следом, задумчиво хмуря лоб.

Взявшись за дверную ручку, он остановился.

— Мы принесем вам поесть. Попозже.-И, отвернувшись, добавил, не глядя на Талланта: — Не пытайтесь бежать. Не говоря уже об охране у двери — а это единственный выход отсюда, разве что вы попробуете удрать к. ним через окно, — так вот, не говоря уже об охране, вы можете истечь кровью раньше, чем мы вас отыщем, если откроется рана.

Он выключил свет, вышел и закрыл за собой дверь. Таллант услышал приглушенные голоса, доносившиеся словно сквозь толстый слой ваты, и понял, что охранники за дверью уже наготове.

Тьма не мешала мыслям Талланта. Он вспомнил о дурманном порошке, и боль скрутила его опять; он вспомнил о прошлом и начал судорожно хватать воздух ртом; он вспомнил, как очнулся во время операции, и еле сдержал рвущийся из горла крик. Нет, тьма не мешала мыслям Талланта.

Яркие и жгучие, они терзали его все следующие шесть часов невыносимой адской пыткой.

За ним пришел шепелявый Шеп. Он тоже умылся, но вокруг носа, под ногтями и в складках мешков под глазами осталась въевшаяся грязь. С другими людьми, которых Таллант видел сегодня, шепелявого роднила беспредельная усталость.

Шеп задвинул кронштейн эпидермизатора в полый стержень и откатил аппарат к стене. Таллант внимательно следил за ним,

и, когда Шеп сдернул простыню, чтобы обследовать тонкий белый шрам, оставшийся от раны, Бенно приподнялся на локтях:

— Ну как там, снаружи?

Спросил дружелюбно, почти заискивающе, как спрашивают дети, стараясь подольститься к рассерженным взрослым.

Шеп поднял на него серые глаза, ничего не ответил и вышел из комнаты. Через пару минут он вернулся с кучкой одежды. Швырнул ее на операционный стол и помог мародеру сесть.

— Одевайтесь!

Таллант сел, и желудок тут же свело в приступе наркотической ломки. Он уронил голову, открыл рот, рыгнул пару раз, но рвать было нечем. Выпрямился, провел дрожащей рукой по темным волосам.

— П-послушайте, — начал Бенно, доверительно обращаясь к человеку из Сопротивления, — н-не могли бы вы мне п-подсказать, где достать н-немного дурманного п-порошка? Я з-заплачу, у меня есть…

Шеп размахнулся и влепил ему пощечину, оставив на лице горячий красный след.

— Нет, мистер, это вы меня послушайте! До вас, похоже, не доходит, так я вам объясню: боевая армада кибенов пересекает сейчас космическое пространство, направляясь прямиком к планете Дильда. Нас атаковал всего лишь авангард, разведывательный отряд — и он почти уничтожил планету. Там, снаружи, погибло около двух миллионов человек, приятель. Ты знаешь, что такое два миллиона? Это почти все наше население. А ты сидишь тут и клянчишь у меня понюшку! Да будь моя воля, я прикончил бы тебя на месте… Так что натягивай на себя одежку и заткни пасть, иначе, Господь свидетель, я за себя не ручаюсь!

Шепелявый отвернулся, и Таллант уставился ему в спину. Страха он не испытывал — только желание лечь и заплакать. За что ему такие муки? Он на все был готов, лишь бы достать щепотку порошка. Ему было плохо… совсем плохо… А ведь он так старался держаться от них ото всех подальше. Хотел только раздобыть немного денег и найти поставщика… Какого черта они к нему привязались? Что они сделали с ним?

— Одевайся! — гаркнул Шеп. Жилы на шее у него вздулись, лицо перекосилось от злости.

Таллант поспешно натянул комбинезон с капюшоном, обулся и застегнул на поясе ремень.

— Пошел! — Шеп столкнул его со стола.

Таллант покачнулся, чуть было не упал и с ужасом вцепился в Шепа, пытаясь одолеть нахлынувшую слабость.

Шеп стряхнул его руки и скомандовал:

— Пошел, грязный подонок! Пошел!

Таллант зашагал по коридору. Очевидно, они находились в подземелье. Он брел следом за Шепом, понимая, что бежать ему некуда; шепелявый, казалось, не обращал на него внимания — знал, что мародер никуда не денется.

Сквозь стены — и сквозь толщу земли — доносились отзвуки бомбежки, сотрясавшей планету. Бенно довольно смутно представлял себе, что там творится.

Война между Землей и Кибой была долгой и разрушительной и шла уже шестнадцать лет, но кибенский флот впервые прорвался так дал ко в человеческие владения.

Судя по всему, нападение было внезапным и планета Дильда подверглась удару первой. Бенно видел разрушения и гибель наверху и понимал, что люди, собравшиеся в подземелье и пытающиеся защитить планету, — это последний очаг Сопротивления.

Но что им нужно от него?

Шеп свернул направо, распахнул дверь и посторонился. Таллант вошел в помещение, служившее, по-видимому, чем-то вроде радиорубки. Стены были сплошь покрыты батареями циферблатов и переключателей, экранами и переговорными устройствами. Паркхерст, небрежно зажав в руке микрофон, разговаривал с радистом.

Когда Таллант вошел, блондин обернулся и кивнул сам себе, словно бы в подтверждение своим мыслям: мол, раз мародер на месте, все теперь пойдет по плану.

— Вы, наверное, хотите знать, что происходит. — Он замялся. — Думаю, мы должны вам объяснить.

Радист очертил в воздухе круг указательным пальцем, очевидно, предупреждая, что скоро начнется передача или же что батареи нагреваются.

Паркхерст поджал на мгновение губы, а потом сказал почти извиняющимся тоном:

— Мы не питаем к вам ненависти, приятель.

Таллант отметил про себя, что они до сих пор не удосужились узнать его имя.

— Нам нужно сделать одно дело, — продолжал Паркхерст, наблюдая вполглаза за Таллантом и вполглаза за оператором. — И ставка тут больше, чем ваша жизнь или моя; ставка больше, чем вся планета Дильда. Гораздо больше. Для этого дела нам нужен человек определенного склада. Вы подходите просто идеально, вы даже не представляете насколько. Мы не выбирали вас преднамеренно, это вышло случайно. Если бы не вы, подвернулся бы кто-то другой, похожий на вас.

Паркхерст пожал плечами, как бы желая сказать, что тут уж ничего не попишешь.

Талланта начало трясти. Он стоял, дрожа всем телом, и отчаянно жаждал нюхнуть порошка, хотя бы разок. Его не интересовала патриотическая болтовня, которую вешал ему на уши Паркхерст; он хотел только одного: чтобы его оставили в покое и отпустили наверх, пусть даже кибены жгут там планету, лишь бы вырваться отсюда. Может, ему повезет и он наткнется на запасы порошка… потому что от этих людей он его не получит. Если уж доку Баддеру не удалось выпросить стаканчик, то ему и подавно надеяться не на что.

Да, в этом все дело. Теперь он понял. Это заговор с целью разлучить его с возлюбленным порошком. А порошок он получит — только надо подождать, надо затаиться и перехитрить безумных заговорщиков, чтобы они ослабили надзор. И тогда он улизнет. Никаких кибенов в городе нет, это все подлый заговор против него и его любимого порошка. Глаза у Бенно сузились.

И тут мысль о металлической коробочке в желудке вернула его к действительности. Таллант содрогнулся. Он не мог побороть ужаса при воспоминании о том, как эту штуковину засовывали ему в живот.

Бледное лицо мародера было покрыто потеками пота и грязи, хотя его умывали не раз за шесть часов, пока заживала рана. Тощий, весь какой-то землисто-серый, он был из той породы людей, что напоминают волков или крыс. Темные волосы и маленькие, глубоко посаженные глазки. Лицо, сужающееся конусом, как у грызуна.

— Что… что вы собираетесь делать со мной? — Он легонько, с опаской коснулся желудка. — Что вы со мной сделали?

Одно из многочисленных переговорных устройств пронзительно заверещало. Радист судорожно замахал рукой Паркхерсту и в конце концов похлопал его по плечу. Паркхерст обернулся, и радист кивнул: давай, мол, начинай. Паркхерст грозно взглянул на Талланта, обрывая его стенания, и жестом велел Шепу встать рядом с трясущимся мародером.

А затем заговорил в микрофон — чуть более громко и разборчиво, чем обычно, как будто он общался с кем-то через большое расстояние и хотел, чтобы каждое слово было понятным и точным.

— Говорит штаб Сопротивления планеты Дильда. Мы находимся под юрисдикцией Земли и обращаемся к кибенскому флоту. Вы слышите нас? Передача транслируется на многих частотах, так что мы не сомневаемся, что вы ее поймаете. Даем вам десять минут на подготовку к переводу текста и связь с

вашим командованием. Это жизненно важно для вас, кибены. А потому, как только вы переведете то, что я сейчас сказал, советую вам незамедлительно сделать все необходимые приготовления и доложить своим офицерам.

Он махнул рукой, и радист прервал связь.

Паркхерст вновь обернулся к Талланту:

— Они переведут. Должны перевести… Им были известны самые удобные подходы к планете, а значит, они наверняка общались с земными торговцами или же с нашими кораблями, слишком далеко углубившимися в туманность Угольного мешка. Они сумеют расшифровать текст.

Таллант провел тощей бледной рукой по шее.

— Что вы собираетесь со мной делать? Что вы затеваете? — Он чувствовал, что близок к истерике, но не мог остановить потока слов. Ему было страшно. — Так нечестно! Вы должны мне сказать!..

Голос его поднялся до визга. Шеп придвинулся к нему вплотную, схватил за руку повыше локтя. Таллант проглотил рвущиеся из горла слова, уже готовые хлынуть новым потоком.

Паркхерст заговорил неторопливо и тихо, стараясь успокоить Талланта:

— Нас атаковал авангард гигантского кибенского флота, мистер. В этом не может быть никаких сомнений. Если у них такой разведывательный отряд, значит, им удалось собрать невероятно мощные силы. Совершенно очевидно, что они попрут напролом, сметая своей массой всю земную оборону, и, возможно, атакуют саму Землю.

Это главное наступление кибенов за все годы войны, а мы не можем даже связаться с Землей. Наши межпланетные передатчики вышли из строя, когда кибены сожгли заполярные станции. Мы не в состоянии предупредить материнскую планету. Она Останется беззащитной, если падут и другие внешние колонии — а они непременно падут, стоит только кибенскому флоту ударить в полную силу.

Мы обязаны предупредить Землю. А чтобы сделать это — и заодно, если повезет, спасти несколько тысяч человек, уцелевших на планете Дильда, — нам нужно выиграть время. Поэтому требовался такой человек, как вы.

Паркхерст умолк, и все молча стали ждать.

В рубке раздавалось только бесстрастное потрескивание и жужжание аппаратов да тяжелое, со всхлипами, дыхание Бенно Талланта.

Наконец большой стенной хронометр отсчитал десять минут, и радист снова махнул Паркхерсту.

Блондин взял в руки микрофон и начал говорить спокойно, убедительно, понимая, что обращается уже не к своим подчиненным, а к властям предержащим там, наверху, над планетой; он говорил так, будто каждое слово было ключевым для разгадки важнейшей тайны:

— У нас на планете бомба. Солнечная бомба. Уверен, что вам не надо объяснять, что это значит. Нагреется весь воздух, вплоть до верхних слоев стратосферы. Этого недостаточно, чтобы превратить планету в новую звезду, но более чем достаточно, чтобы погубить все живое, раскалить каждый кусочек металла до испарения и выжечь землю так, что здесь ничего уже не сможет расти. Планета погибнет, а вместе с ней погибнем и все мы, и все вы тоже.

Большинство из ваших пятидесяти кораблей приземлились. Те немногие, что остались на орбите, не избегнут воздействия бомбы, даже если стартуют в открытый космос прямо сейчас. И если они это сделают — а мы следим за вами с помощью радара, — то мы взорвем бомбу немедленно, без малейших колебаний. В противном случае мы можем предложить вам альтернативный вариант.

Паркхерст мельком взглянул на радиста, не спускавшего глаз с ряда радарных экранов, в центре которых светилось по одной точке. Радист помотал головой, и Таллант понял, что они ждут, как будет воспринято их заявление. Если хоть одна точка на экране сдвинется с места, значит, кибены не поверили им или решили, что люди из Сопротивления блефуют.

Но кибены не осмелились испытать судьбу. Точки застыли в центре экранов, будто приклеенные.

Глаза у Талланта внезапно округлились. До него дошло наконец, о чем говорил сейчас Паркхерст. Он понял, что имел в виду блондин. Он понял, где спрятана бомба. Бенно раскрыл было рот, но ладонь Шепа зажала его, не давая крику вырваться из горла и достичь через передатчик кибенов.

У Бенно началась неукротимая рвота. Шеп, тихо выругавшись, отшатнулся и стащил с пульта лист бумаги, пытаясь вытереть блевотину. Таллант корчился в судорогах, его рвало уже всухую, и Шеп еле успел подхватить его, не дав упасть на пол.

Шепелявый усадил Талланта на скамейку возле пульта, продолжая вытирать свой загаженный мундир. Таллант чувствовал, что он на волоске от безумия.

Всю жизнь он привык жить своим умом и крутиться, чтобы выжить. Стоило кому-нибудь протянуть Бенно палец, как он отхватывал всю руку. Но на сей раз спасительного пальца не было. Таллант растерянно осознал, что не может воспользоваться

слабостью или вежливостью этих людей, как не раз делал прежде. Эти люди были грубы и безжалостны, и они зашили солнечную бомбу — солнечную. Боже милосердный! — ему в желудок.

Как-то раз он видел стереофильм, запечатлевший взрыв солнечной бомбы.

Его вырвало еще раз, и он таки свалился на пол. Будто сквозь туман донесся голос Паркхерста:

— Повторяем: не пытайтесь удрать. Если хоть один из ваших кораблей стартует, мы немедленно взорвем бомбу. У вас есть только одна альтернатива тотальному уничтожению планеты. Планеты, которая крайне необходима вашему флоту для дозаправки и пополнения припасов. Только одна альтернатива.

Паркхерст сделал паузу и обвел взглядом рубку, внезапно показавшуюся очень тесной. Его, похоже, слегка смущала явная театральность ситуации. Облизнув губы, Паркхерст тихо продолжил:

— Дайте нам уйти. Дайте землянам этой планеты улететь, и мы обещаем не взрывать бомбу. Выйдя за пределы атмосферы, мы переключим взрывное устройство на автоматический режим, и тогда ищите бомбу сами. Если ее наличие вызывает у вас сомнения, включите счетчики, и ваши собственные приборы зарегистрируют повышенный выброс нейтрино. Тогда вы сразу убедитесь, что это не блеф. Добавлю только, что бомбу можно дезактивировать.

Вы найдете ее и обезвредите, но не раньше, чем мы улетим. Вам придется принять это условие. Иначе… Иначе никаких условий не будет. Только смерть.

Если вы не согласитесь, мы взорвем бомбу. Если вы выполните наши требования, мы тотчас покинем планету, а бомбу поставим на автоматику, и она взорвется в заданный срок. Часовой механизм в ней надежный, ей не страшны никакие нейтриноглушители.

Таков наш ультиматум. Мы будем ждать ответа не более часа. По истечении этого срока мы взорвем бомбу, даже если погибнем все до единого!

Вы можете ответить на той же частоте, на которой приняли наше сообщение.

Паркхерст махнул радисту, и тот щелкнул выключателем. Передача была окончена.

Блондин повернулся к Талланту, дрожмя дрожавшему в луже собственной блевотины. Взгляд у Паркхерста был усталый и печальный. Он собирался что-то сказать, и ясно было, что скажет он что-то чудовищно жестокое.

«Не дай ему это сказать, не дай ему это сказать, не дай ему

это сказать», — твердил Талланту внутренний голос в глубине помраченного сознания. Он крепко зажмурил глаза, прижал к ним липкие кулаки, надеясь, что тьма защитит его от слов Паркхерста.

Но блондин заговорил.

— Я, конечно, — сказал он спокойно, — мог и приврать. Не исключено, что бомбу вообще невозможно обезвредить. Даже если они ее найдут. * * *

Таллант впал в такое буйство, что им пришлось запереть его в операционной, предварительно убрав все бьющиеся предметы. Шеп хотел привязать наркомана к столу, но Паркхерст и свинорылый — бывший пекарь по фамилии Баннеман, ставший снайпером, — воспротивились.

Они оставили Бенно Талланта в комнате, и час потянулся, как резиновый. В конце концов Шеп открыл дверь и обнаружил мародера лежащим на полу — ноги подогнуты к самой груди и обхвачены руками, расширенные темные глаза смотрят невидящим взором на вялые, расслабленные пальцы.

Шепелявый налил в соседней комнате из крана полный кувшин воды и выплеснул ее в лицо Талланту. Мародер, вздрогнув и застонав, вышел из транса. Поднял глаза, и воспоминания вновь нахлынули на него. Вместе с жаждой дурманного порошка.

— Т-только разочек… разочек нюхнуть, больше ничего… Пожалуйста!

Шеп разглядывал хнычущего наркомана с омерзением и злой безнадежностью.

— И это спаситель Земли!

Он сплюнул на пол.

Таллант расклеился совершенно. Пересохший рот наполнялся иллюзорной слюной и пересыхал снова. Голова разламывалась, все мышцы свело. Больше всего на свете ему нужна была пыль, он просто не мог без нее. Они обязаны ему помочь. Он всхлипнул и пополз к башмакам Шепа.

Шепелявый отступил назад.

— Вставай! С минуты на минуту должен прийти ответ!

Таллант с огромным трудом приподнялся, ухватившись за операционный стол. Ножки стола были привинчены к полу, но пока Таллант бушевал и рвался к вожделенному порошку, он умудрился погнуть две из них.

Шеп снова повел его, дрожащего и пускающего слюни, к радиорубке. Паркхерст, увидав, до какой степени распада дошел наркоман, что-то тихо сказал доктору Баддеру. Заросший щетиной старикашка кивнул и скользнул мимо Талланта в дверь.

Бенно смотрел по сторонам пустым взглядом, пока доктор не вернулся.

Старик принес белоснежный пакетик, и Таллант сразу понял, что в нем. Дурманный порошок.

— Даймне, даймне, даймне, пожалуйста, вы должны мне ее дать, дайте, дайте мне…

Он протянул трясущиеся руки, нервно подрагивающие пальцы коснулись пакетика. Доктор Баддер, глядя, как другой алчущий получает желаемое, в то время как сам он по-прежнему вынужден томиться без своей отравы, отдернул пакетик, желая подразнить Талланта.

Наркоман бросился к старику и чуть не упал на него, хрипло дыша и брызгая слюной.

— Даймне, даймне, даймне, даймне… — Шепот его был лихорадочным, умоляющим.

Доктор визгливо засмеялся, наслаждаясь игрой. Паркхерст резко оборвал его:

— Оставьте парня в покое, док! Я сказал: дайте ему дозу!

Врач швырнул пакетик на пол, и Таллант, хлопнувшись на четвереньки, мигом схватил его и разорвал зубами упаковку. Не вставая с колен, он дополз до пульта, оторвал от блокнота листок, высыпал белый порошок из пакетика в сгиб листа. Потом отвернулся к стене и, съежившись так, чтобы никто не видел, что он делает, вдохнул порошок по очереди каждой ноздрей.

Зелье, скользнув по носовым каналам, тотчас утолило жажду, и к Бенно вернулись силы. В затылке больше не давило, руки перестали трястись. Повернувшись назад, он уже не был развалиной,

Он был только трусом.

— Сколько еще? — спросил Баннеман из противоположного угла рубки, старательно отводя глаза от Талланта.

— Теперь в любую минуту, — отозвался радист из-под шлемофона.

И, будто слова его были сигналом, затрещал репродуктор, и тишину взорвал голос машины-переводчика.

Это был холодный, металлический голос — результат перевода с кибенского на английский:

— Мы согласны. Как показывают наши приборы, бомба у вас есть, поэтому мы даем вам семь часов на сборы и погрузку.

Вот и все. Коротко и ясно.

Но сердце у Талланта упало. Если детекторы инопланетян зарегистрировали увеличение нейтринного выброса, значит, прощай, последняя надежда. Бомба у Сопротивления действительно есть, и ему известно, где она. Он сам — ходячая

бомба. Ходячая смерть!

— Пора собираться, — сказал Паркхерст и повернулся к двери.

— А как же со мной? — взвизгнул Таллант и схватил Паркхерста за рукав. — Теперь, когда они позволили нам убраться, я вам больше не нужен, верно? Вы можете вынуть из меня эту… эту штуковину?

Паркхерст поднял на него усталые глаза. В глубине их таилась неизбывная грусть.

— Позаботься о нем, Шеп. Он нужен нам еще семь часов.

И ушел.

Ушли и все остальные, кроме Шепа с Таллантом.

Наркоман заорал:

— Что будет со мной? Скажи мне! Что?!

И Шеп ему все объяснил.

— Ты будешь последним человеком на планете Дильда. У кибенов есть приборы, способные методом сужения района поиска определить источник выбросов нейтрино. Если бы бомба была неподвижна, они бы мигом ее засекли. Но человек будет двигаться с места на место. К тому же они нипочем не догадаются, что бомба спрятана в человеке. Они решат, что все мы улетели. Но ты останешься здесь, вместе с бомбой. Ты будешь нашей страховкой. Паркхерст, пока не улетит, будет управлять взрывным устройством, так что бомба не взорвется. А когда он отчалит, то переключит бомбу на автоматический режим, и она взорвется в заданный срок.

Если хоть один кибенский корабль попробует броситься за нами в погоню, бомба взорвется. Если они не полетят за нами, но не найдут ее вовремя, она взорвется тоже.

Шеп объяснял так безучастно, так хладнокровно приговаривал Талланта к смерти, что тот почувствовал, как внутри взыграла сила дурманного порошка, почувствовал ярость и возмущение тем, что его одурачили и превратили в ходячую бомбу.

— А что, если я им сдамся и позволю вырезать бомбу так же, как вы ее вшили? — в приливе храбрости резко спросил Таллант.

— Ты не сделаешь этого, — уверенно возразил Шеп.

— Почему?

— Да потому, что они не будут с тобой цацкаться так, как мы. Первый же отряд кибенской пехоты, который выследит бомбу, распнет тебя на земле и выпотрошит все твои внутренности.

Лицо Бенно исказилось от ужаса, и Шеп это заметил.

— Видишь ли, чем дольше ты будешь удирать, тем дольше они будут искать тебя. А чем дольше они будут искать тебя, тем

больше шансов у нас будет предупредить Землю. Поэтому нам пришлось выбрать самого что ни на есть жалкого труса, который привык делать ноги… Для которого бегство — это способ выживания. Ты побежишь так, что только пятки засверкают. Потому-то Паркхерст тебя и выбрал. Ты будешь бежать и бежать, не останавливаясь, приятель.

Таллант вскочил и заорал:

— Меня зовут Таллант! Бенно Таллант. У меня есть имя, понятно? Я Таллант, Бенно, Бенно, Бенно Таллант!

Шеп гаденько ухмыльнулся и плюхнулся на скамейку возле пульта.

— Плевать я хотел на твое имя, приятель! Почему, как ты думаешь, мы не спросили, как тебя зовут? Безымянного, тебя легче будет забыть. Им непросто было на такое решиться — Паркхерсту и прочим. Их мучит совесть из-за тебя, приятель. А вот меня не мучит. Паршивый наркоман вроде тебя изнасиловал мою жену перед тем… перед тем как… — Он умолк и поднял глаза к потолку. Там, в городе, сидели и ждали кибены. — Так что, по-моему, мы квиты. Я ничего не имею против, если одним наркоманом в мире станет меньше. Ничего.

Таллант бросился к двери, но винтовка, которую Шеп держал наготове, с глухим стуком обрушилась ему на спину. Мародер свалился на пол, корчась от боли и истошно вопя.

— А теперь мы подождем часиков семь, — сказал Шеп спокойно. — И тогда ты станешь воистину бесценным, приятель. Воистину бесценным. Вся жизнь кибенского флота будет у тебя в животе!

Он от души расхохотался, и Бенно Таллант подумал, что сейчас свихнется от этого смеха. Ему хотелось просто лечь, и все. И умереть.

Но это ему предстояло чуть позже.

На взлетном поле наконец стало тихо. Семь часов не смолкал шум погрузки уцелевших жителей планеты, а потом корабли взмыли в густых клубах дыма ввысь, оставляя в небе хвосты реактивных выбросов. К старту готовился последний корабль. Бенно Таллант наблюдал за Паркхерстом, который поднял на руки маленькую девочку. Кроха со светленькими косичками прижимала к себе пластмассовую игрушку. Паркхерст держал девочку чуть дольше, чем было необходимо, не сводя с нее глаз, и на лице его была неприкрытая скорбь по собственным детям, погибшим в огне. Но Бенно не испытывал к нему сочувствия.

Его бросили здесь на верную смерть, жестокую и бесчеловечную.

Паркхерст подсадил девчушку в отверстие люка, где ее

приняли чьи-то руки, и начал подниматься по трапу сам. Потом, опустив ладонь на перила, остановился. Обернулся, посмотрел на Талланта. Тот стоял, уронив по бокам дрожащие руки, точно пес, умоляющий, чтобы его взяли с собой.

Невооруженным глазом было видно, что Паркхерсту нелегко. Он не был убийцей; он просто выбрал единственно возможный вариант решения проблемы — нужно предупредить Землю. Но Таллант не сочувствовал ему. Боже милостивый! Его приговорили к превращению в солнечную…

— Послушайте, мистер, что я скажу. Мы не такие дураки, как считают кибены. Они думают, будто мы просто отчалим и оставим им бомбу. Набьемся в свои утлые суденышки и полетим, а они быстренько обезвредят бомбу и догонят нас в космосе, упакованных и готовых к поджариванию.

Но они ошибаются, Таллант. Мы позаботились о том, чтобы нашу бомбу не нашли. Их детекторы могли бы ее засечь, но только не в движущемся носителе. Нам пришлось найти человека вроде вас, Таллант. Труса я беглеца.

Вы — наша единственная гарантия, единственный шанс добраться до аванпостов и предупредить Землю. Я… я не могу сказать вам ничего такого, что переменило бы ваше мнение о нас к лучшему. Знали бы вы, как долго я ломал.себе голову, прежде чем решился на этот шаг! Не смотрите на меня так… Скажите хоть что-нибудь!

Таллант молча смотрел перед собой; страх растекался по всем его жилам, ядовитыми парами сочился из пор, подкашивал ноги.

— Странное дело: хоть я и знаю, что вы погибнете, что я сам обрек вас на смерть, я смотрю на вас с гордостью. Можете вы понять это, мистер? Несмотря на то что я использовал вас, превратив в одушевленный бомбовоз, я исполнен гордости, ибо знаю: вы долго, очень долго не дадитесь им в руки, и я смогу спасти горстку уцелевших людей, спасти Землю. Можете вы это понять?

Таллант не выдержал и схватил Паркхерста за рукав:

— Пожалуйста, прошу вас, ради Бога, возьмите меня с собой! Не бросайте меня здесь! Я умру… Я… умру!

Паркхерст, нахмурившись, отдернул руку.

Таллант отлетел назад.

— Но за что? За что вы меня ненавидите? Почему вы хотите моей смерти? — Из горла его рвались рыдания.

Лицо вождя Сопротивления помрачнело.

— Нет, вы не правы! Пожалуйста, не думайте так! Я даже не был с вами знаком, когда мы решили выбрать человека вроде вас,

мистер. Я ненавижу людей вашего типа, это верно, но у меня нет оснований ненавидеть вас!

Вы герой, мистер. Когда — вернее, если — мы выпутаемся из этой передряги, мы воздвигнем вам памятник. Вам он, конечно, ничем не поможет, но мы его воздвигнем.

Все последние семь часов я приучал себя относиться к вам с презрением. Вынужденная мера, иначе я не смог бы оставить вас здесь. Я сам бы остался вместо вас, но толку от этого было бы мало. У меня нет желания спасаться бегством. Я устал. Моя жена, мои дети все они погибли. Я хочу умереть… Я просто хочу умереть. А вы… вы хотите жить, и вы будете удирать от них изо всех сил и дадите нам выиграть время! Я приучал себя думать о вас как о выродке, как об отбросах рода человеческого. И вы помогли мне в этом! — добавил он с негодованием. — Вы только посмотрите на себя!

Таллант понял, что хотел сказать Паркхерст. Он, Бенно Таллант, и правда подонок и трус, и он действительно ударится в бега. Он видел, словно со стороны, свое тщедушное тело, трясущееся, как в лихорадке, и обливающееся потом, видел почти осязаемое облако страха, окутавшее его фигуру, видел свои расширенные, белые от ужаса глаза, ищущие выхода. Таллант знал, что он трус. Ну и что? Он не хотел умирать!

— Таким образом, — подвел итог Паркхерст, — я ненавижу вас потому, что я должен вас ненавидеть, мистер. И поскольку я ненавижу вас, вернее, ненавижу себя, а не вас, я сделал свой выбор. А поскольку вы это вы, вы будете бегать и прятаться от кибенов, пока мы не доберемся до радиостанции и не предупредим Землю о нападении.

Паркхерст снова начал взбираться по трапу, и Таллант снова вцепился в его руку.

Наркоман умолял о пощаде все последние семь часов, и даже в эту минуту он не мог придумать ничего иного, кроме мольбы. Плодом всей его прежней жизни, который он пожинал теперь, была полнейшая бесхребетность.

— Скажите хотя бы… Скажите хотя бы, есть ли какой-нибудь способ обезвредить бомбу? Можно это сделать? Вы говорили им, что можно!

Ребячески-жадное выражение его лица заставило Паркхерста гадливо поморщиться.

— Мужества у вас ни на грош, верно?

— Ответьте мне! Ответьте! — орал Таллант. В иллюминаторах белыми пятнами замаячили лица.

— Не могу. Если я скажу, что бомбу обезвредить можно, вы помчитесь прямиком к кибенам. А если вы будете считать, что

она взорвется при первом же прикосновении, вы спрячетесь от них подальше.

Люк начал закрываться. Паркхерст придержал его на миг и проговорил, смягчившись:

— Я знаю, как вас зовут. Прощайте, Бенно Таллант. Хотел бы я сказать: «Храни вас Бог».

Люк закрылся. Таллант услышал, как его задраили изнутри и как загудели реакторы. Он рванул, не разбирая дороги, подальше от взлетной площадки, надеясь укрыться в бункерах, находившихся неподалеку. В бункерах, под которыми располагалась штаб-квартира Сопротивления.

Он стоял у окна, покрытого защитным фильтром, и смотрел, как тоненький след корабля пропадает в темном небе.

Один. Последний человек на планете Дильда.

Он вспомнил, что говорил ему Паркхерст: «Я не питаю к вам ненависти. Просто дело прежде всего. Оно должно быть сделано, и вы его сделаете. Но я не питаю к вам ненависти».

И вот он остался один на планете, осаждаемой кибенами, которых ни разу в глаза не видел, а в животе у него бомба глобальной разрушительной силы. * * *

Когда корабль пропал из виду, когда последний белесый след растворился на звездном ночном небосклоне, Таллант вышел в дверной проем бункера, глядя на пустое поле. Они покинули его; все мольбы, все призывы к гуманности, все усилия оказались тщетны. Он стоял, одинокий и потерянный, возле пустого поля, и в сердце его была пустота.

Прохладный ветерок с океана подернул поле рябью, коснулся Талланта и освежил его. Он вновь ощутил знакомую жажду.

Но на сей раз он мог утолить ее дурманным порошком. Ну и ладно! Он погрузится в наркотический транс и будет лежать под открытым небом, пока бомба не взорвется и не убьет его.

Бенно нашел люк и спустился в штаб-квартиру Сопротивления. Полчаса лихорадочных поисков, раскиданные по полу лекарства, вскрытые ящики, взломанные шкафы — ив руках у него очутился лечебный запас наркотиков доктора Баддера. Концентрированный нермогероинит — дурманный порошок, поработивший его в двадцать три года с первой же дозы. Много лет прошло с тех пор… »

Таллант вынюхал пакетик и почувствовал, как тело наливается силой, здоровьем и яростью. Кибены? А ну подать их сюда! Он сделает армаду одной левой!..

И пусть только эти паршивые сукины дети земляне попробуют вернуться! Планета Дильда отныне принадлежит ему, он тут король и властелин вселенной!

Сунув белые пакетики в карман комбинезона, Таллант поднялся по лесенке наверх и захлопнул люк.

И тут впервые увидел кибенов.

Они кишмя кишели на взлетном поле — их было там несколько сотен. Нормальных человеческих размеров, ростом больше пяти футов, но меньше шести. Они были похожи на людей, только с золотистой кожей и гибкими щупальцами вместо пальцев, по шести штук на каждой руке.

Их схожесть с людьми неожиданно ужаснула Талланта. Будь они кошмарными чудовищами — дело другое; тогда он мог бы презирать и ненавидеть их. Но кибены были даже красивее людей.

Он никогда не видел чужаков раньше, зато он слышал вопли, эхом отдававшиеся в городских каньонах. Он слышал, как у девушки сдирали кожу со спины, и по-своему жалел ее. Он вспомнил, как желал ей смерти от потери крови. С такими ранами она могла промучиться всего часа три-четыре — быстрее и безболезненнее смерти у кибенов не найти.

Они очень походили на людей. Только золотистых.

Таллант внезапно осознал, что попал в западню.

Здесь, в бункере, он оказался без защиты, без оружия и без выхода. Они найдут его и убьют, не успев даже понять, что бомба у него внутри. Они не станут спрашивать, есть у него в желудке бомба или нет… слишком уж невероятно такое предположение.

Именно поэтому Паркхерст зашил ему бомбу в живот. Никому и в голову не придет искать ее там. * * *

Кибены разыскивают солнечную бомбу, а такое оружие, по логике вещей, должно быть спрятано где-нибудь в укромном местечке. В океане, под тоннами грязи, в пещере… Но не в человеке. Человек — последнее место, где они станут искать.

Никто не способен на такую жестокость — засунуть бомбу в живого человека!

Потому-то Паркхерст и сделал это.

Таллант обвел бункер безумным взглядом. Дверь была только одна. А на поле видимо-невидимо кибенов, злых от того, что их перехитрили, и готовых выпустить кишки из первого же попавшегося землянина.

Он наблюдал сквозь защищенное фильтром окно, как они шныряют по полю.

И, наблюдая, заметил кое-что еще. Все они были в непробиваемых бронекостюмах, а в руках сжимали трехструйные бластики. Это оружие предназначалось для убийства, а не для захвата пленных. Он в ловушке!

Таллант вновь почуял, как в нем закипает ярость отчаяния —

та же, что овладела им, когда он узнал о зашитой в живот бомбе. Мало того, что его превратили в бомбовоз, так он еще должен бежать без передышки! Да, кибены безжалостны. Они уже наверняка начали выслеживать бомбу детекторами с кораблей, кружа над планетой по сужающейся спирали и все ближе подбираясь к цели. Как только они обнаружат, что бомба движется, кибены сразу сообразят, что у нее живой носитель. И неумолимо зажмут его в кольцо. Он в ловушке!

Но если он попадет в руки этих пехотинцев, кишащих на поле, ему даже бежать не придется. Они сожгут его и посмеются над обугленным скелетом.

Если у них хватит времени посмеяться. Стоит ему умереть, как бомба тут же взорвется: этого Паркхерст от него не утаил.

Нужно выбираться отсюда.

Паркхерст был прав. Бегство — единственный выход. Если ему удастся протянуть достаточно долго, он, возможно, сам придумает, как обезвредить бомбу. Необходимо продержаться по крайней мере до тех пор, пока он не доберется до верховного кибенского командования. Это единственный шанс. Если все время бегать и прятаться, бомба рано или поздно взорвется. Нужно добраться до кибенских военачальников, и пусть они извлекут из него бомбу целой и невредимой. Он переиграет Паркхерста и кучку уцелевших подонков: не даст себя поймать, пока не попадет в руки кибенских шишек. А им предложит свои услуги, поможет догнать землян и расправиться с ними.

В конце концов, разве он чем-то обязан Земле?

Ничем. Абсолютно ничем. Они хотели убить его, и они за это заплатят. Он не умрет! Он будет жить со своим возлюбленным дурманным порошком во веки веков.

Если он сумеет уцелеть, то как-нибудь выберется потом из кибенского плена. Не бывает безвыходных положений! Да, не бывает.

Но один из кибенских солдат уже пересек взрыхленное поле, подбежал к двери бункера — и вот он стоит внутри, а трехструйный бластик его ревет, поливая стены огнем.

Таллант стоял за дверью возле окна. Он захлопнул дверь, чтобы другие кибены на поле не видели, что происходит, и ощутил прилив неведомой силы — силы, о которой даже не подозревал.

Он прыгнул на кибена со спины и оседлал его.

Солдат упал, бластик вылетел у него из рук, а Бенно Таллант, вскочив, пнул неприятеля в лицо. Раз, два, три, четыре — и солдат готов, а вместо головы у него сплошное месиво.

Таллант сразу сообразил, что делать дальше.

Он оттащил солдата за ноги к люку, поднял крышку и сунул труп в дыру. Тело загремело по ступенькам и приземлилось с глухим стуком.

Таллант схватил бластик и сам нырнул в люк, пока не подоспели другие кибены. Захлопнул крышку люка она была почти незаметна, ее обнаружат разве только при тщательном обыске. А обыск они вряд ли станут делать, поскольку считают, что все земляне покинули планету. Их задача — разведка боем, они не будут обшаривать все углы.

Приходилось надеяться на это.

Бенно съежился прямо под крышкой люка, сжимая в руках бластик, готовый вышибить мозги любому, кто поднимет крышку.

Над головой раздались крики, дверь бункера распахнулась, с треском ударившись о стену. Донесся рев бластиков, изрыгающих огонь, затем послышались голоса, свистящие что-то на кибенском языке. Затопали башмаки: солдаты обшаривали бункер. Чья-то нога ступила прямо на крышку люка, в щель посыпались пылинки и комочки земли, и Бенно решил, что это конец.

Но окрик снаружи заставил солдат с недовольным ворчанием покинуть бункер.

Таллант приподнял крышку люка. Увидав, что помещение пусто, поднял ее выше и поглядел в окно. Кибены начали уходить с поля.

Бенно решил подождать, пока они уйдут все до единого. Надо было выбраться отсюда до рассвета.

Он сидел, ждал и вынюхал тем временем еще пакетик пыли. Он снова был Богом!

Бенно добрался аж до Синих болот, прежде чем наткнулся на кибенский патруль.

Он шел расширяющимися кругами, инстинктивно выбирая лучший для бегства маршрут так, чтобы кибенские корабли с детекторами на борту не смогли его засечь. Со временем они, конечно, увидят, что цель не стоит на месте, и догадаются, куда земляне спрятали бомбу.

Но он не останавливался.

Ночь была совершенно безоблачна и безлунна. Голые черные вершины Дальних гор вздымались за трясиной, поросшей кривыми деревцами и ползучими стеблями. Ночной воздух был бодрящ и свеж, пока Бенно не свернул в болота. Смрад вечного гниения тут же ударил ему в нос. Желудок болезненно сжался, и Таллант подумал: что будет с бомбой, если его вырвет? Потом он вспомнил, как блевал в радиорубке, и понял, что таким образом взорвать бомбу невозможно.

Он ступил в зыбкую и топкую иссиня-черную жижу и тотчас

почувствовал, как она уходит из-под ног. Подняв для равновесия бластик над головой, Бенно медленно зашагал вперед. Шаги его сопровождало чмоканье и чавканье трясины.

Болота кишели животной жизнью. Зверье, как хищное, так и безобидное, громогласно заявляло о своем присутствии. Чем дальше углублялся Бенно во тьму, тем громче становилась разноголосица, словно насекомые предупреждали местных обитателей по телеграфу о приближении чужака. Впереди слева какая-то массивная зверюга издала утробный рык.

От страха у Бенно опять свело желудок, и он обнаружил, что бубнит себе под нос: «Почему я?» — и это монотонное бормотание как-то помогает ему идти вперед. Чуть фосфоресцирующая иссиня-черная грязь липла к ногам, покрывая ботинки мерцающими искорками, и каждый шаг оставляя в трясине округлую ямку, которую быстро затягивало.

Когда он перелезал через преградивший дорогу гнилой пень, сунув бластик в развилину между сучьев деревца, что росло сбоку, зверюга вылезла из зарослей и вострубила, предупреждая о своем появлении.

Таллант застыл на месте — одна нога в воздухе, другая в трухлявом пне, руки держат весь вес. Широко раскрыв глаза, он уставился на серую тушу животного.

Туша была почти треугольной. Гладкое туловище плавно сужалось к дебильной крохотной головке — вершине треугольника. Спина пологим склоном сбегала до самой земли. Под тушей торчало восемь лап, как будто подставку для обуви засунули под книжный шкаф.

Пара махоньких красных глазок сияла в тумане Синих болот над тупым рылом с клыкастой слюнявой пастью.

Зверюга на миг умолкла. Потом из ее глотки вырвался глухой хрип, и дебильная головка чуть приподнялась на несуществующей шее. Тварь понюхала ветер, понюхала туман, выслеживая Бенно Талланта. Нерешительно сделала шаг вперед, будто сомневаясь в правильности выбранного направления. Таллант не отрывал от нее глаз, не в силах двинуться с места, пригвожденный паникой к гнилому пню, точно это была единственная опора во Вселенной.

Зверюга вострубила еще раз и грузно потопала вперед. Ее пронзительный вопль расколол ночную мглу, и огненный луч, возникнув ниоткуда, вонзился в серую шкуру. Тварь встала на задние лапы, отчаянно цепляясь за воздух передними. Еще одна вспышка — и крошечная головка занялась огнем.

На миг всю тушу окутали пламя и дым, а потом она взорвалась. Кровь брызнула сквозь листву и стебли, окропив Талланта тошнотворным теплым дождем. Клочья плоти градом

посыпались вниз, и он почувствовал, как по щеке сползает скользкий комочек.

Желудок судорожно сжался, но внезапная мысль подавила тошноту. Он не один на болотах!

Поскольку он — последний человек на планете Дильда, ответ напрашивался сам собой. Кибены!

И тут сквозь невнятные болотные шумы донеслись их голоса. Кибены направлялись из зарослей на прогалину, где лежала разодранная туша, дрожавшая даже после смерти.

Талланту передалась ее дрожь. Он ощутил невыразимое единство с лежащей под открытым небом тварью. В ней было больше человеческого, нежели в нем самом. Она погибла страшной смертью, но не отступила, не пустилась наутек. Конечно, у животного нет разума, и все же было нечто… в гибели зверя, что заставило Талланта почувствовать себя переменившимся и возмужавшим. Он не мог объяснить, что это было, но после гибели животного Бенно понял, что никогда не сдастся кибенам. Он все еще трясся от страха: характер, формировавшийся в течение жизни, не может измениться в момент; но произошла перемена. Если ему суждено умереть, он умрет стоя, а не удирая во все лопатки.

Кибены появились из-за кустов. Они вынырнули слева, так близко, что он мог бы до них дотронуться, и пошли по прогалинке, явно не замечая Талланта. Но у них были детекторы, способные засечь выбросы нейтрино, так что через пару минут они возьмут след.

Нужно что-то предпринять — и немедленно!

Пятеро кибенов приблизились к мертвому зверю, слишком поглощенные созерцанием туши, чтобы смотреть на показания детекторов. Таллант протянул руку к развилине деревца.

Он поскользнулся на пне, и пальцы ударили в металлическую поверхность оружия. Бластик слетел с развилины, с плеском погрузившись в болото. * * *

Один из кибенов обернулся, увидел Талланта и прошипел что-то по-змеиному своим спутникам, вскинув ствол бластика. Голубая вспышка пронзила тьму. Таллант замешкался всего на миг. И это чуть не стоило ему жизни. Луч скользнул по спине, едва задев ее, однако располосовал комбинезон и подпалил кожу.

Таллант вскрикнул от боли и нырнул головой вниз в болотное окно, пытаясь унять адское пламя, жгущее спину, а заодно найти свой бластик, увязший в трясине. Он глубоко погрузился в грязь, ощущая, как она смыкается над головой. Жижа забила горло. Бенно судорожно замолотил руками и вдруг понял, что у него есть еще шанс.

Он попытался нащупать дно, нашел его разъезжающимися ногами и потащился по трясине, давясь зловонной гущей на каждом шагу. Дно начало подниматься. Он мгновенно высунул голову.

Кибены по-прежнему были впереди, но смотрели немного в другую сторону, полагая, что он остался на месте или утонул.

Бенно сразу понял, что должен убить их всех, не дав им связаться с командованием, иначе игре придет конец. Как только кибенские военачальники узнают, что на планете есть человек, они догадаются, где спрятана бомба. Тогда у него не останется ни единого шанса выжить.

Рослый кибен с золотыми волосами, торчащими невероятно длинным «ежиком», повернулся к нему с бластиком в руках. И тут адреналин хлынул в вены Талланта, он вспомнил зверюгу и впервые в жизни понимая, что действие дурманного порошка уже кончилось, но не обращая на это внимания, — агрессивно рванулся вперед.

Высоко вскидывая ноги, он бежал по краю окна, разбрызгивая синюю грязь во все стороны. Внезапность нападения ошеломила кибена, и тот не успел пустить оружие в ход. Секунда — и Таллант сбил своим весом кибена с ног. Ботинок с хрустом опустился вниз, ломая инопланетянину шею. Потом палец нащупал кнопку, и голубой огонь вырвался широкой дугой, поливая четверых оставшихся патрульных. Крики их были недолги, тела разметало по округе на пятьдесят футов.

Таллант взглянул на ошметья, бывшие минуту назад людьми, и прислонился к дереву. «Господи, Господи, Господи», — билось в его опустошенном мозгу. К горлу снова подступила тошнота. Он вспомнил на миг о дурманном порошке — о пакетиках в застегнутом кармане комбинезона, — но не почувствовал знакомой жажды.

Огонь и без того горел в его крови. В трусе проснулся инстинкт убийцы.

Корабли землян были уже далеко, а кибены до сих пор боялись, что бомба взорвется, если они пустятся в погоню. Таллант не сомневался, что они не предприняли попыток покинуть планету Дильда, и для такой уверенности у него было веское основание: бомба в его животе еще не взорвалась.

Но время шло. * * *

Той ночью Таллант убил своего двадцатого и тридцатого кибена.

Вторую пятерку он прикончил, выбравшись из Синих болот. Спрятался в засаде за большой тупорылой скалой и оставил от них мокрое место.

Отдельные разведчики находили свою погибель от ножа и приклада бластика, когда Таллант пробирался несжатыми колосящимися полями к Саммерсету, пригороду Иксвилля.

Группа из пяти разведчиков неспешно брела по полю, и только их плечи да головы виднелись над высокими блестящими стеблями с налитым зерном. Таллант шел пригнувшись и совершенно случайно заметил впереди ствол бластика. Ему не составило труда подстеречь их и прикончить поодиночке. Череп первого раскололся, как пластиковая коробка, едва Бенно ударил прикладом. Когда кибен свалился, чуть не подмяв под собой убийцу, в жилах у Талланта взыграла кровь; неведомое ранее наслаждение партизанской войны захлестнуло его. У первого убитого он позаимствовал длинный кривой нож с инкрустированной рукояткой.

Нож прекрасно поработал над остальными четырьмя. Кровь у кибенов оказалась желтая. Бенно это не удивило.

Когда на горизонте забрезжил рассвет, Таллант уже не сомневался в том, что кибены знают о его существовании. Что означает его присутствие здесь, кто он такой, что он делает на планете Дильда — вряд ли инопланетяне могли вразумительно ответить на эти вопросы, однако тридцать солдат уже расстались с жизнью под лучом бластика или под взмахом кривого ножа. Рано или поздно трупы найдут; об отсутствии солдат доложат начальству -они не явятся на поверку.

Тогда кибенское командование поймет, что они не одиноки на планете.

Всю ночь Таллант слышал, как кружат в небесах роботы-ищейки, пытаясь засечь нейтринный выброс бомбы, и два или три из них пролетали прямо у него над головой. Но они просто кружили в радиусе двух миль, указывая цель наземным войскам. Солдаты же не успевали взять Бенно в кольцо — он убегал, а они продолжали беспомощно топтаться на месте, ожидая новых указаний.

Похоже, им пора уже было понять, что бомба находится в движущемся носителе. Что это за носитель — подскажут тридцать убитых солдат. И они неизбежно придут к выводу: на планете остался живой человек.

Роботы-ищейки все кружили и жужжали над головой. Таллант озадаченно подумал: почему они могут летать, а корабли не могут? И тут же нашел вполне логичный ответ. Роботы — это роботы, они летают чисто механически. А межпланетные корабли летают с помощью двигателей, искривляющих пространство. Очевидно, искривление и запустит взрывной механизм.

Выходит, засечь его будет нетрудно, однако кибены не смогут

тронуться с места, чтобы догнать и уничтожить землян.

Таллант сжал кулаки. Грязное лицо исказилось от нового прилива ненависти к людям, оставившим его здесь подыхать. Паркхерст, и Шеп, и доктор Баддер, и иже с ними. Они приговорили его к смерти…

А он их одурачил. Он все еще жив!

Но разве не этого они хотели? Разве их выбор не оказался удачным? Разве он не бежит, пытаясь выжить и тем самым позволяя им удрать, чтобы предупредить Землю? Какое ему дело до Земли? Что хорошего он от нее видел?

И тогда Таллант поклялся с глухой решимостью, более глубокой, чем отчаяние или гнев, что не просто выживет. Он отомстит им. Как — он пока не знал, но отомстит обязательно. Когда утренний свет коснулся его сквозь пролом в фасаде здания, где Бенно лежал на полу, он дал себе клятву, что не подохнет на чьем-то чужом поле боя.

Он встал и посмотрел через дыру в металлопластике. Внизу простиралась в правую сторону столица планеты Дильда. В центре города, возвышаясь над всеми зданиями, торчал флагманский корабль кибенского флота.

Ночью, украдкой, с новообретенной ловкостью болотного зверя Бенно просочился сквозь оцепление и оказался в тылу врага. Он был внутри кольца. Теперь нужно использовать преимущества этого положения.

Прежде чем кибенский солдат-мародер вошел в здание, Таллант принял решение. Он должен добраться до флагманского корабля и проникнуть внутрь. Там он найдет кибена-хирурга. Возможно, такой план сулит ему гибель, но именно «возможно»; во всех остальных случаях возможность превращалась в неизбежность.

Бенно встал, намереваясь выйти и проскользнуть аллеями Иксвилля к кораблю. В ту же секунду мускулистый кибен с двойным подбородком, поднявшийся по полуразрушенной лестнице, остановился как вкопанный в дверном проеме с выражением величайшего изумления на лице. Землянин… здесь, на завоеванной территории?!

Кибен вытащил бластик из кобуры, прицелился и выстрелил Талланту прямо в живот. * * *

Луч голубого света поймал Талланта, хоть тот и отскочил в сторону. Жгучая, нестерпимая боль резанула по телу. Поскольку он успел отскочить, вспышка задела правое предплечье. Мгновение он корчился в конвульсиях, а потом…

Понял, что не чувствует своей правой руки.

Таллант бросился на врага, хотя в глазах затуманилось от

боли, и, не дав кибену выстрелить вторично, ухватился за бластик левой рукой. Тщедушный раненый наркоман ощущал в себе странную силу, смутно осознавая, что это сила ненависти — ненависти ко всем другим людям, ко всем другим существам, которая заменила собою трусость.

Он яростно рванул бластик к себе. Солдата, потерявшего равновесие, занесло вперед. Когда ошалелый кибен, спотыкаясь и выпустив оружие из рук, промчался мимо, Таллант выбросил ногу вверх.и наподдал ему в спину. Желтый инопланетянин зашатался, отчаянно раскинув в стороны руки, споткнулся о камень на полу и вылетел вниз головой через пролом в стене. Таллант доковылял до пролома и увидел, как кибен с воплем летит к тротуару.

«А-а-а-а-а-а-а-а-аххх!» Крик пронесся по городским каньонам, а потом тридцатью этажами ниже раздался глухой, но вполне различимый стук.

Долгий пронзительный вопль был не просто предсмертным воплем. Он был сигналом. Район представлял собой громадный резонатор — каждый фут этого душераздирающего падения воспроизводился стенами и камнями города. Кибены скоро будут здесь. Их товарищ не смог бы лучше направить солдат к цели, даже спланируй он все заранее.

И тут до Талланта дошло еще кое-что.

У него осталась только одна рука.

Глаза неудержимо, против его воли, косились вниз; боль утихла; бластик моментально прижег обрубок. Никакая инфекция ему не грозила, и мучения тоже, но рука была аккуратно ампутирована по самый бицепс. Бенно медленно водил глазами по культе и давился тошнотой.

На что ему теперь надеяться — с одной-то рукой?

Как он сможет выжить?

Раздались громкие голоса кибенов, прочесывающих здание. Они пришли, чтобы выяснить, откуда упал их товарищ. Таллант побежал — на ватных ногах, ощущая, как испаряется давешняя отвага, но все-таки побежал.

Он бежал машинально, по привычке спасаться бегством… Зная, что его единственный шанс — это кибенский флагман, возвышающийся в центре Иксвилля.

Единственный шанс — и последний. К такому выводу Бенно пришел после тщательного анализа возможных путей спасения. Выбранный им путь означал почти верную смерть, но все другие были лишены даже намека на «почти».

Ноги вынесли его из комнаты к черной лестнице и помчали вниз, по бесконечным пролетам. Где-то по пути — а может, еще в комнате, он не помнил, — Бенно подобрал бластик. Потом,

спускаясь по бесчисленным ступеням, в какой-то момент обнаружил, что бластика нет. Но позже, увидев на стенке над дверью большую надпись «14», он заметил, что бластик снова у него в руке. Когда номера уменьшились, когда «10» истаяло в «5», а затем в «3», Бенно понял, что пробежал тридцать этажей… в полном шоке.

Спустившись на первый этаж, Таллант увидел, что у фасада здания толпятся кибены, показывая друг другу на тело товарища. Таллант отвернулся; он думал, что уже привык к виду смерти, но кибены помирали как-то уж очень противно.

Зажав бластик локтем единственной руки, он съежился, прислонившись к стене. Между ним и флагманским кораблем лежали три почти непроходимые мили разрушенного города с кучами обломков. (И даже если он доберется туда, еще неизвестно, найдет ли он там то, что ищет!) Не говоря о целой армии кибенской космической пехоты и ордах роботов-ищеек, которые наверняка уже установили, что бомбу переносит с места на место человек.

Бенно поставил бластик к стене и осторожно пощупал культю. Боли не было, кровотечения тоже, обрубок прижгло аккуратненько и чисто, словно его зашпаклевали тонким слоем воска. А в общем Таллант чувствовал себя прекрасно, хотя ночью на болотах вывихнул правую ногу и теперь прихрамывал, сам того не замечая.

У него по-прежнему оставался шанс.

И тут из динамиков робота-ищейки, кружившего над зданием, полился голос. Слова прокатились по улицам громовым раскатом — по-английски.

— Землянин! Мы знаем, что ты здесь. Сдавайся, пока жив! Даже если бомба у тебя в руках, мы найдем тебя и убьем… Найдем тебя и убьем… Найдем тебя и убьем…

Робот полетел над городом, повторяя сообщение снова и снова, пока Таллант не почувствовал, что каждое слово выжжено у него в мозгу. «Найдем тебя и убьем, найдем тебя и убьем».

Дыхание перехватило. Бенно привалился к стене, ощущая ладонями ее каменную прохладу. Он закрыл глаза и погрузился во тьму. Тропа трусости — извилистая тропа. Это он уже понял. И хотя она пересекается порой с дорогой отваги, ее неизменно уводит в сторону.

Талланту было страшно. Он полез в карман за дурманным порошком.

Времени оставалось все меньше, Бенно чуял это нутром. Он не имел понятия, скоро ли взорвется бомба, но во всем теле ощущалось какое-то еле заметное покалывание, которое он

истолковал как ощущение опасности. Бомба могла взорваться в любую секунду — и тогда конец всему.

Таллант до боли сжал единственный кулак; крысиное лицо исказилось слепой яростью, и чем крепче он зажмуривал глаза, тем глубже залегали вокруг них складки. Он жмурился до тех пор, пока не зазвенело в ушах. Тогда он поклялся себе, что выпутается из этой передряги. Как-нибудь — он не мог себе представить как, — но отомстит паршивым землянам за то, что с ним сделали. Проникнет на борт флагманского корабля — и тогда!.. Он твердо был намерен выиграть.

Не так, как выигрывает трус, смазывая пятки… как он делал годами… но так, как выигрывают победители так, как он собирался выиграть?

Бенно подхватил бластик и тронулся в путь.

Кибенам теперь известно, что бомба у него в руках.

Не в желудке — этого они узнать не могли, — но все-таки у него. Поскольку цель перемещалась и ускользала от них всю ночь, она явно не была где-то закреплена или зарыта. Она была спрятана в самом надежном месте — в движущемся носителе. Кибены пойдут по следу, и круг неминуемо сожмется. Тем не менее у него есть кое-какие преимущества.

И самое главное из них — убитые на полях и в болотах патрульные. Кибены сосредоточат поиски в том районе. Им и в голову не придет, что .Бенно пробрался ночью в город по канализационной системе. Какое-то время он будет в безопасности.

Только Таллант подумал об этом, бочком продвигаясь к лестнице, ведущей в подвал разрушенного здания, как кибенский офицер, блистающий песочно-белым мундиром с золотым шитьем, вошел в парадную дверь прямо напротив.

Офицер не был вооружен, но молниеносно выхватил кинжал и стал размахивать им перед носом Талланта.

И снова решимость и сила, взявшиеся невесть откуда, вскипели в беглеце. Офицер был слишком близко, чтобы пустить в ход длинный бластик, но у Бенно сохранился ночной трофей — кривой, точно серп, нож. Аккуратно уронив бластик в кучу пепла и шлака, Таллант увернулся от кибенского лезвия, просвистевшего над ухом, и, не дав противнику замахнуться снова, прыгнул на него.

Прыгнув, он выбросил руку вперед, и растопыренные тонкие пальцы впились офицеру в глаза. Кибен испустил истошный вопль. Глазные яблоки превратились в водянистое месиво, а когти Талланта все глубже вонзались в плоть. Офицер беспомощно молотил в воздухе руками, потом раскрыл было рот, чтобы

завопить еще раз, но Бенно Таллант выхватил из-за пояса кривой нож и одним махом перерезал ему горло.

Кибен свалился в золотистую лужу крови. Таллант схватил бластик, метнулся через вестибюль к подвальной двери, захлопнул ее за собой и нырнул во тьму подземелья.

Над головой послышались крики кибенских солдат, нашедших своего офицера, но Таллант не стал ждать, пока его обнаружат. Внимательно следя за направлением, он ползал по полу подвала, пока не нащупал канализационный люк. Прошлой ночью он вылез через этот люк из смрадного лабиринта клоаки, чтобы глотнуть свежего воздуха и передохнуть.

Он забрался тогда на верхний этаж здания, надеясь разглядеть расположение противника, и заснул, сам того не желая. Теперь надо снова спуститься в клоаку, и она выведет его к единственному шансу выжить, какой он сумел придумать.

Таллант пробежал внезапно налившимися силой пальцами по краю тяжелой крышки и потянул ее на себя.

Лицо его исказилось во тьме. Он должен поднять крышку одной рукой… Другого выхода ему не оставили.

Еще мгновение — и крышка со вздохом откинулась.

Сунув бластик за пояс, Таллант перевалился через край. Встал на ступеньку, прижимаясь к стене над струящимся внизу потоком, и ухватился за крышку. Люк со вздохом закрылся. Таллант прыгнул вниз.

Нож, выскользнув из-за пояса, упал в воду и тут же исчез. Таллант стукнулся о стенку колодца и приземлился на одну ногу. Боль поднялась от ступни и охватила всю левую половину тела.

Бенно встал, цепляясь за скользкие стены туннеля, и, напрягая все силы, расставил ноги как можно шире, чтобы удержаться против течения сточных вод.

Он продвигался вдоль стены, пока не добрался до бокового туннеля, ведущего в нужную сторону. Свернув за угол, увидел, что люк в конце туннеля открыт, а грязный поток освещен лучом прожектора. Кибены поняли, где его искать.

— Сссcис ссс ссс клисс-иссс! — донесся посвист кибенской речи, гулко прокатившийся по пустому туннелю. Враги спускались в клоаку.

Нужно было спешить. Кольцо сжималось. Но им его не поймать, хотя у них есть фонари, а у него нет. Кибенам придется обшарить все туннели; он же пойдет, не отклоняясь, в одном направлении.

В направлении гигантского флагманского корабля.

Короткий марш-бросок от люка, расположенного у служебного входа бывшего универмага, — и Таллант спрятался в

тени чудовищного плавника космического судна. Возле трапа стояла стража; она стояла возле всех трапов. Таллант обошел корабль кругом.

Он нашел грузовой трап. Часовой стоял, прислонившись к блестящей обшивке звездолета. Таллант шагнул к нему, подумав мельком, что раньше нипочем не решился бы на такое.

Странное воинственное возбуждение вновь овладело им, подсказав путь, который еще вчера показался бы ему немыслимым. Воспользоваться бластиком он не мог — чересчур много шума; кривой нож он потерял; он стоял слишком далеко от часового, чтобы кинуть в него ботинком в надежде, что тот потеряет сознание. Поэтому Бенно кашлянул и пошел вперед, прямо к часовому.

Пошел небрежно, вразвалочку, словно имел полное право тут находиться. Услыхав покашливание, часовой поднял глаза и изумленно уставился на приближающегося Талланта. Бенно приветственно махнул рукой и начал что-то насвистывать.

Часовой смотрел на него не больше секунды.

Секунды оказалось достаточно.

Бенно обхватил рукой шею часового, не дав ему поднять тревогу. Потом подсек сзади ногой. Ствол бластика расквасил золотое лицо инопланетянина — и путь был свободен.

Таллант, сгорбившись, начал взбираться по трапу. Поздние утренние лучи пронизывали спину. Сунув тяжелый бластик под мышку, Таллант поддерживал его рукой за ствол. Быстро вскарабкавшись по трапу, он опустил палец к спусковому устройству. Внутри корабля было прохладно, сыро и темно.

Киба — прохладная, влажная и сумрачная планета.

Промозглая мгла навалилась на Талланта, и он безучастно подумал: а стоит ли оно того? Стоит ли жизнь вечного бегства, если можно просто лечь — и все?

Он увидал шахту грузового лифта и шагнул внутрь. Включил тягу, нажав на кнопку в стене полой трубы. Воздушный поток сразу же повлек его вверх.

Таллант притормаживал на каждом уровне судна, упираясь башмаками в стенку трубы и высматривая того, ради кого пробрался на борт. Но корабль был пуст. По-видимому, на нем оставили самый минимум экипажа. Все прочие разбрелись по планете в поисках бомбы.

А бомба — вот она. Разгуливает по флагманскому кораблю.

Талланта прошиб пот; если он ошибся в расчетах, если на борту нет того, кто ему нужен, тогда пиши пропало. Тогда надеяться больше… Вот он!

Кибен шел по коридору прямо в поле зрения Талланта,

выглянувшего из шахты лифта. На нем был длинный белый халат, а на шее болтался — Таллант был уверен в этом! — иноземный эквивалент электростетоскопа.

Кибенский врач.

Таллант вылетел из трубы и приземлился на металлопластик пола, широко раскинув ноги. Бластик был у него под мышкой, палец — на спусковой кнопке.

Кибенский врач остановился как вкопанный, воззрившись на землянина, который возник ниоткуда. Глаза доктора шарили вверх-вниз по телу Талланта, надолго задержавшись на обрубке правой руки.

Таллант шагнул к нему, и кибен осторожно попятился.

— По-английски! — рявкнул Таллант. — Говоришь по-английски?

Врач молча смотрел на него, а землянин все крепче прижимал палец к спусковой кнопке, пока его костяшки не побелели от напряжения, с каким он сдерживался, чтобы не выстрелить.

Кибен кивнул.

— Здесь где-то должна быть операционная, — продолжал Бенно командным тоном. — Веди меня туда. Живо!

Доктор не отрывал от землянина глаз. Таллант пошел на кибена. Тот вдруг понял — Бенно видел, как глаза инопланетянина вспыхнули озарением, — что землянин нуждается в нем и не станет стрелять ни при каких обстоятельствах. Таллант прочел эту мысль на гладком лице кибена, и дикое отчаяние охватило его.

Он припер инопланетянина к стенке и схватил бластик за приклад. А потом размахнулся изо всех сил.

Ствол бластика с треском опустился на плечо кибена, исторгнув у него глухой стон. Таллант ударил врача еще раз, в живот; третий удар оставил на лице глубокую рану до самого виска. Не будь кибен почти совсем лысым, его волосы залило бы кровью.

Инопланетянин начал оседать вдоль стены. Таллант пнул его под двухсуставчатое колено, и доктор выпрямился.

— Я не убью тебя, док… Только не устраивай соревнований на выносливость. Я всю ночь бегал от ваших пехотинцев, и сейчас я немного не в духе. Так что лучше иди вперед и посмотрим, что у вас там за операционная.

Золотистый инопланетянин замешкался на долю секунды, и Таллант еще раз резко пнул его в колено. Доктор завопил. Визгливо и громко. Бенно понял, что вопль разнесется по всему кораблю, и подтолкнул врача стволом бластика.

— Ты слышишь меня, приятель? — зарычал он. — Ты пойдешь прямым ходом в операционную и чуточку надо мной поработаешь. Один шаг в сторону — упаси тебя Бог! — всего один шаг, и я разнесу твою желтую черепушку! Пошел!

Он с силой упер бластик в спину кибена, и тот потрусил по коридору.

Кибенский сержант напал на Талланта, когда они прошли мимо стеллажа, где хранились на полках ножные кандалы, ошейники и наручники, заготовленные кибенами для пленных. Услыхав вопль врача, сержант вышел из кают-компании и затаился в нише за стеллажом. Но атака была чересчур поспешной: когда сержант бросился на Талланта, выкручивая бластик из его руки, чтобы обезопасить врача, Бенно вывернулся и разбил стекло стеллажа.

Реакция его была молниеносной. Не узнать трясущегося Бенно Талланта, умолявшего Паркхерста о спасении!.. Сейчас это был одержимый жаждой мести дьявол. Ладонь его сомкнулась вокруг длинной тяжелой цепи ножных кандалов. Цепь вырвалась из зажимов и со свистом описала в воздухе дугу.

Удар пришелся кибену по черепу. Сержант задохнулся, бессвязно что-то просвистел и свалился прямо на врача, который пытался дотянуться до бластика. Оба они упали на пол.

Цепь впечаталась в голову кибена.

Таллант шагнул вперед и наступил на руку хирурга. пресекая его попытки схватить оружие, однако стараясь не повредить ему кисть. Заметив на поясе кибенского сержанта раскрытую кобуру, Бенно вытащил из нее маленький серебристый револьвер с тонким стволом и взял врача на мушку.

— Так-то лучше. Пошли!

Медик с трудом поднялся на ноги, испуская жалобные стоны. До него дошло, что землянин опаснее целой армии. Таллант находился за гранью отчаяния, терять ему было нечего, и кибенский врач догадался почему. Из-за бомбы. Командующий говорил об этом человеке прошлой ночью, когда они выяснили, что на планете Дильда остался живой землянин.

Врачу здорово досталось, и он знал, что землянин на этом не остановится: убить не убьет, но замучает до полусмерти.

Кибенский хирург не был героем.

— И дружка своего захвати, — добавил Таллант.

Врач взял сержанта за ноги и потащил за собой по коридору. Кровавый след тускло золотился на плитках из металлопластика. Таллант сунул бластик в нишу. Кибены не скоро появятся в этом коридоре, они все еще ищут его в городе.

Операционная была неотвратима.

Таллант отказался даже от местной анестезии. Он сидел на операционном столе, нацелив серебристый ствол револьвера в голову доктора. Кибен посмотрел на барабан, увидел маленькие капсулы в гнездышках, представил, как они превращаются в смертоносные выбросы энергии; и осторожно включил электроскальпель.

Лицо Талланта покрывалось испариной с каждым разрезом, хотя он почти не чувствовал, как электронный луч терзает плоть. Но когда края бывшего шрама разошлись и взгляду вновь открылись внутренности, мокрые и пульсирующие, Бенно вспомнил первую операцию.

С тех пор многое изменилось — он сам изменился с тех пор, как доктор Баддер вшил ему бомбу в желудок. Сейчас он приближается к концу пути… и к началу нового.

Через двадцать минут все было кончено.

Расчет Талланта оказался верным.

Осторожная операция не могла взорвать бомбу. Паркхерст упоминал о том, что взрывной механизм непременно будет активирован искривляющим пространство полем двигателя и что бомба может взорваться сама по себе через какой-то промежуток времени. Но когда речь зашла о кибенах, которые могут вынуть бомбу, Паркхерст только пригрозил, что они выпотрошат ему все внутренности. Не исключено, что таким образом лидер Сопротивления подсознательно намекнул Талланту на единственную возможность уцелеть; а может, он проговорился случайно. Как бы там ни было, операция успешно завершилась, и бомбу изъяли из желудка.

Таллант внимательно следил за тем, как кибен обрабатывает рану инопланетным аналогом эпидермизатора, и не отрывал глаз от шрама в течение получаса, пока рана не затянулась.

Потом, пристально взглянув на доктора, Таллант спокойно сказал:

— Зашей бомбу в культю.

Врач широко раскрыл темные глаза и заморгал. Таллант повторил приказание еще раз. Хирург попятился, догадавшись, что у землянина на уме. Была ли его догадка верна или нет — для Талланта это ничего не меняло.

Потребовалось десять минут избиения револьвером, чтобы Бенно понял: медик уперся окончательно. Он, хоть убей, не зашьет солнечную бомбу тотальной разрушительной силы в обрубок правой руки Талланта. По крайней мере, по собственной воле.

Идея забрезжила сначала смутно, но вскоре обрела законченную, ясную и практически осуществимую форму.

Таллант залез в карман комбинезона, вытащил один из двух оставшихся пакетиков дурманного порошка. Склонившись над полуживым кибеном, он силой заставил врача вдохнуть порошок. Тот вынюхал целый пакетик — полную, разрушительную для личности дозу. Таллант сел и принялся ждать, вспоминая свою первую встречу с зельем.

Память оживила прошлое, и он припомнил, что первая же неосторожная понюшка превратила его в заядлого наркомана; такова была сила дурманного порошка. Когда медик очнется, он станет совершенно ручным. Он сделает все что угодно ради последнего пакетика, лежащего у Талланта в кармане.

Землянин знал, что никогда уже не будет Богом, разве что разыщет где-нибудь еще запасы порошка, но игра стоила свеч, если удастся совершить задуманное. Более чем стоила.

Он ждал, уверенный, что их никто не потревожит. Кибены ищут землянина в городе, а нейтринные выбросы вокруг корабля собьют со следа роботов-ищеек; какое-то время он здесь в безопасности. Врач скоро очухается и сделает все, что Таллант захочет.

А хотел он только одного. Чтобы солнечную бомбу зашили ему в культю, где он сможет взорвать ее в любую минуту.

Операция прошла безболезненно. Та же сила, что разорвала руку Талланта на атомы, лишила нервные окончания чувствительности. Бомбу слегка утопили в плоть, так что культя заканчивалась коробочкой с простым проволочным контактом, который сдетонирует в трех случаях.

Если Таллант сознательно взорвет бомбу.

Если кто-то попытается извлечь бомбу против его воли.

Если он умрет и сердце его остановится.

Кибенский доктор сделал свое дело на совесть. И теперь, съежившись и дрожа от наркотической жажды, со стонами умолял Талланта отдать ему последний пакетик.

— Конечно, я дам тебе порошок. — Таллант зажал прозрачный целлофановый пакетик меж двух пальцев, чтобы кибену были видны одновременно и наркотик, и револьвер. — Но не сейчас. Сначала ты отведешь меня на капитанский мостик к своему командующему.

Глаза кибена, похожие на золотистые щелочки, расширились в попытке переварить услышанное. Раньше врачу казалось, что он понимает, чего добивается землянин: избавиться от бомбы и покинуть планету Дильда. Но теперь…

Он совсем запутался и был ни жив ни мертв от страха. Что за странная жажда терзает его, превращая каждый нерв в горячую проволоку? Что такое сотворил с ним землянин? Доктор не мог

понять; он только знал, непонятно откуда, что маленький белый пакетик утолит его жажду.

Он не помнил, как вел землянина на капитанский мостик, но, когда пришел в себя, они уже стояли перед командующим, а тот смотрел на них во все глаза, требуя объяснений.

Доктор увидел, как Таллант поднял револьвер и выстрелил. Выстрел снес командующему полголовы. Туловище развернулось, стукнулось об иллюминатор, упало на пол и прокатилось несколько дюймов до мусоропровода. Таллант прошел мимо хирурга и спокойно подтолкнул убитого ногой. Тело зависло на долю секунды и камнем ухнуло в колодец.

Сделать осталось совсем немного.

Таллант подошел к доктору, пристально разглядывая его. Типичный кибен… Чуть пониже большинства, с выпирающим животиком и плешивой головой, которая через пару лет совсем облысеет. Золотистая, как и у всех кибенов, кожа, слегка поблекшая от возраста. Мужественное лицо. Мужественное — если не считать неудержимого тика, дергающего щеку и верхнюю губу, а также голодных складок у рта и возле глаз. Милейший доктор стал наркоманом, и это более чем устраивало Талланта.

Он испытывал странное удовольствие от того, как быстро ему удалось сломить кибена. Вчерашние приключения казались ему захватывающими — теперь, когда остались позади.

Приближаясь к доктору и не спуская с него глаз, Таллант задумался о себе самом. То плохое, что было в нем, — а он первый готов был признать, что оно в нем таилось, как гнойник, глубже любых благоприобретенных порочных привычек, — не изменилось ни капельки. Оно не сделалось лучше, не смягчило его мыслей во время тяжких испытаний, оно лишь ожесточило его душу.

И закалилось само.

Годами, пока Таллант крал и побирался, юлил и лгал, сила зла в нем была незрелой. Теперь она возмужала. Теперь у него появились и цель, и средства. Он не был больше трусом, потому что глядел в лицо всем смертям, какие бывают на свете, и выжил. Он перехитрил землян и обыграл кибенов. Он взял верх над пехотинцами в полях и все рассчитавшими умниками в бункере. Он пережил бомбу, нападение кибенов, ночь кошмаров — и повернул события по-своему. Он прошел через болота, через поля, через город и вышел к финишу.

К рубке флагманского корабля.

Не тот Бенно Таллант, которого земляне застукали возле трупа лавочника. Совсем другой человек. Человек, чья жизнь сделала единственно возможный поворот… Потому что другой

поворот — смерть — не устраивал Талланта.

Бенно подтолкнул доктора к пульту управления. Потом.развернул дрожащего наркомана к себе лицом. Глядя в золотистые щелочки глаз, Бенно с радостью осознал, что не питает ненависти к пришельцам, которые искали его и хотели вспороть ему живот; он восхищался ими, ибо они силой брали то, что хотели.

Нет, он не питал ненависти к ним.

— Как тебя зовут, друг любезный? — весело спросил Таллант.

Трясущиеся щупальца врача протянулись вперед, вымаливая последний пакетик. Таллант оттолкнул ладонь кибена; он не питал ненависти к пришельцам, но и для жалости в нем места не осталось. Остатки человечности и сострадания были выжжены вспышкой бластика в разрушенном здании, сожраны жестокостью сородичей-землян. Он стал беспощаден, и это доставляло ему удовольствие.

— Имя!

— Норгис, — дрожащими губами промямлил доктор.

— Ну что ж, доктор Норгис, мы с тобой станем закадычными друзьями, верно? Нас ждут великие дела!

Таллант знал, что в лице трясущегося от холода и жажды врача обрел отныне верного раба. Он хлопнул кибена по плечу.

— Разыщи-ка мне в этой мешанине какое-нибудь средство связи, док.

Кибен показал на аппарат и по команде щелкнул тумблером, соединяя Талланта с пехотинцами на полях, с кораблями, разбросанными по планете Дильда, и с экипажем, оставшимся на флагманском судне.

Таллант поднял палочку микрофона, молча глядя на нее. О чем только он не передумал: взорвать флот, приказать ему вернуться домой…

Но это было вчера, когда он был Бенно Таллант Дрожащий. А сегодня…

Сегодня он другой Бенно Таллант.

Он заговорил уверенно и четко:

— Я последний человек на планете Дильда, мои кибенские друзья! Тот самый человек, который, как в конце концов поняло, ваше начальство, носит при себе солнечную бомбу.

А теперь внимание! Бомба по-прежнему при мне. Но уже под моим контролем. Я могу взорвать ее в любую минуту и поубивать всех нас… даже в космосе. Потому что сила этой бомбы безмерна. Если вы сомневаетесь в моих словах, через пару минут я дам слово врачу флагманского корабля доктору Норгису и он

подтвердит все, что я сказал.

Но вам нечего бояться, потому что я собираюсь предложить вам дельце более заманчивое, чем просто разведка боем для вашего флота. Я предлагаю вам шанс стать независимыми завоевателями. Вы не были дома уже несколько лет, вы устали от сражений — и я предлагаю вам шанс вернуться домой не голозадыми героями, а победителями с богатой добычей и покоренными планетами.

Разве для вас имеет значение, кто командует флотом? Если вы сумеете завоевать галактики?.. Думаю, нет!

Он сделал паузу, уверенный, что они с ним согласятся. Они должны были согласиться. Верность родной планете и присяге не помешает ему превратить истосковавшихся по дому космических пехотинцев в армию невиданной доселе завоевательной мощи.

— Наша первая цель… — Таллант помедлил, понимая, что сейчас окончательно и бесповоротно решит свою судьбу, -… Земля!

Он передал микрофон врачу, приказав подтвердить его слова, и послушал немного, дабы убедиться, что свистящие монотонные звуки в переводе на английский звучат как надо. Потом подошел к иллюминатору, глядя, как сумерки вновь спускаются над Иксвиллем, над созревшими полями Саммерсета, над Синими болотами и Дальними горами.

Он смотрел и смотрел на планету Дильда… и дал себе клятву, что месть его будет долгой и обстоятельной.

В памяти всплыли вдруг слова Паркхерста, на удивление подходящие и к этому мгновению, и к месту, и к новой жизни Талланта: «Я не питаю к вам ненависти. Просто дело прежде всего. Оно должно быть сделано, и вы его сделаете. Но я не питаю к вам ненависти».

Таллант взвесил каждое слово — и под каждым готов был подписаться.

Ненависти он ни к кому больше не испытывал. Он был выше этого. Он — Бенно Таллант, и дурманный порошок ему больше не нужен. Он исцелился.

Бенно отвернулся от иллюминатора и окинул взглядом рубку корабля, который стал его судьбой. Он чувствовал себя свободным от планеты Дильда, свободным от порошка. Ему не нужна больше ни та ни другой.

Отныне он сам себе Бог.